Кто мой ближний. Брат Анатолий Маевский

Приветствую, братья и сестры всех, любовью Иисуса Христа. Первый раз в вашей Церкви, хотя гостеприимством вашего служителя, Виталия, уже неоднократно пользовался, когда находился здесь по служению в детских домах. Но в вашей Церкви первый раз.
Звать меня Анатолий, я с Новосибирска. Себя я не просто чувствую, когда приходится проповедовать в Церквах, мне проще бандитам Слово Божие говорить, наркоманам, алкоголикам — это жизнь моя. У меня служение — изгороди. Может оно не совсем обозначенное, видимое так, как у вас здесь: служение хора, детское служение. Но Библия конкретно говорит о таком роде служения — по изгородям. Помните в Библии про пир? Про раба, который ходил к культурным грешникам, и они сказали, что все заняты, что у них поля, все женаты, и у них волы. Потом он пошёл собирать слепых, хромых, увечных. И те пришли, хозяин обрадовался. А потом увидел ещё пустые места. А рабу зачем это надо было всё? Было ли такое у вас, когда говорите Слово Божие, а вас могут обматерить, обругать.

Я посмотрел, у вас в Москве в основном люди очень холодные. И где-то из 10 человека два, возьмут календарик. Остальные смотрят оценивающим взглядом, мол, что это ещё тут передо мной? И этот раб такое испытал, а потом ходил и собирал слепых и хромых. А где их собирать? Они же не у царя Ирода собраны или во дворце Пилата, они находятся в таких местах, где не совсем удобно бывает находится. И он говорит, ещё есть место. И тогда хозяин говорит: «Ну хорошо, иди, иди за изгороди». Это туда, куда люди уже нормальные ходить не могут.

Брат цитату из Библии привёл — пять крытых ходов. Я часто для себя повторяю это место и думаю, что это за закрытые хода.

Если я здесь кого-то буду спрашивать, это нормально будет или у вас так не принято? Вот в очках брат сидит, если я тебя спрошу, ничего, тебя это не напряжёт? Вопрос простой. Как ты думаешь, почему ходы были крытые? Я проповедую и обычно спрашиваю, почему крытые-то ходы были? Ответы, правда, разные. Ты об этом не думал?

А вот сидит около окошечка брат, как тебя звать? Что-то глаза отвёл, теперь уже не знаю... Да,

тебя, конечно, как тебя звать? Антошка! Антоша, почему крытые были ходы, как ты думаешь? Обозрение ограниченное, чтобы не видели. Крытые ходы – это как раз забота, в кавычках, нашего общества о людях с изгороди. Их стараются тщательно закрыть. В зоны их упаковывают, в детские дома их прячут. Туберкулёзные больницы, как правило, в санаторных зонах, подальше от города. Люди здоровые, хотят ли видеть больного? Вы ходили в дерматологические больнице, туда придёшь, там кровь бежит, люди всякие изувеченные и там неприятно находиться. То есть изгороди — это люди, которые уже за социальной чертой, их уже выкинули. Даже в человеческих пониманиях эти люди уже не достойны ничего доброго. Вот это служение Бог мне по милости дал, я выпросил его у Иисуса Христа. И у меня есть твёрдое понимание этого посланничества, что Бог меня определил на это служение.

И ещё, когда я проповедую у меня с доспехами тяжеловато. Помните, Давид, он же воин был, но в большей степени пастух. И Саул дал ему доспехи хорошие, меч неплохой был у него, и щит, и шлем. И эти доспехи всегда не по размеру. Я всегда думал про эти камушки, что же это за камни были у Давида? Как бы мне от простоты во Христе не удалиться. И Бог дал мне эти камушки, может быть это чисто детская, наивная вера. Я не знаю как вы, но я буквально верю во всё, что здесь написано в Слове Божьем. Если здесь написано, «ударили по левой щеке, подставь правую щеку», я понимаю, что это буквально. Если меня попросили рубашку, то надо пиджак отдать.

Помню с лагерей возвращаюсь, с Красноярских, три служения в день, ночное время тяжеловато уже. Со мной рядом брат сидит и смотрит на дорогу, просматривает её, а там сосны кругом, и говорит:

— Вот лисица пробежала, - а её не вижу, потом брат говорит. — Заяц пробежал!

Мне тоже хочется на зайца посмотреть, но нет уже этого зайца. Я Иисусу говорю: «Иисус, неужели Тебе тяжело мне какую-нибудь маленькую зверюшку показать?» И смотрю, с правой стороны колеса заяц сидит, маленький такой, серый, ушастый. Как вы думаете, почему он там очутился? Мой Иисус его из леса взял за ухо и говорит: «Сейчас сын мой, Анатолий поедет, и ты здесь должен находиться». Вы верите в это? Есть такой у меня камушек — эта чистая, детская, наивная вера. Мне Бог это дал, и я берегу.

Второй камушек, который мне Бог дал — это любовь к Иисусу. Я сильно люблю Иисуса. Брат за психушку говорил тут, я несколько раз чуть с ума не сходил. Я в Церкви заявлял: «Помолитесь за меня, иначе меня ожидает психбольница». Я живу в пригороде города Новосибирска, помню, в ночное время вышел, там лесок небольшой. Я понимаю этого Вартимея, который зрение просил у Господа. А как он просил, Антон? Интеллигентно, шёпотом? Он кричал: «Иисус!». И я выходил в лес и просто кричал, я орал: «Господи, если Ты сейчас не помилуешь, неужели Тебе нужны верующие, которые в психбольнице лежат?» И Бог давал милость, я сильно люблю Иисуса Христа.

У нас в Новосибирске четыре Церкви в городе. Я практически через все прошёл. И все верующие на мне крест поставили. Они говорили, что с этого человека ничего не получится, никогда с этого человека ничего не получится, он никогда не получит свободу. По милости Божьей жена за меня 8,5 лет молилась, и я по милости Его могу говорить Слово Божие, я сильно люблю Иисуса Христа. Он меня вытащил из самой глубины преисподней.

Я не могу это не сказать, у меня внучки есть Даша и Варя маленькие, четыре с половиной года этим девочкам. Я иногда их так наивно спрашиваю:

— Что? Деда-то любите?

— Да! Любу, любу.

— А как любите?

Они обнимают и показывают, так сильно-сильно. Я тоже могу только так показать, я сильно люблю Иисуса Христа.

Третий камушек — я грешников полюбил. Я вымолил это у Бога. Я люблю алкашей, наркоманов люблю, люблю тех, которые в зоне. Бог дал любовь к тем, которые в детских домах находятся.

Лет 9 назад, Давыдыч меня в это дело вовлёк. Первый раз это в Восточной Сибири у нас было, пришёл в детский дом, и думал: «Ну ладно, бандитам я могу что-то рассказать, сам пол жизни в зонах отсидел, могу чем-то поделиться. А что я этим детям расскажу?» И я не знал, я терялся. Запомнил первую встречу в детском доме, с правой стороны мальчик сидел, Вадик, лет, наверное, 5-6 ему, глазки голубенькие. Я Библию знаю, читаю, ему грамотно говорю так:

— Вадик, Иисус другом твоим хочет быть.

А он заплакал, глазки моргают, он говорит:

— У меня мама умерла.

И я потерялся. Я опять говорю, по инерции:

— Вадик, Иисус другом твоим хочет быть.

А он опять говорит:

— У меня мама умерла.

Я понял, что все эти слова ему сейчас просто не нужны. Они не помогут. Я к нему как шагнул так, захватил его... хорошо, мы с ним поплакали, я его просто по голове гладил и не помню уже, что говорил. Но я понял, что мне там нужно быть обязательно.

У меня друг есть, Феопент, он говорит, что христианство – дело убыточное. То есть обязательно нужно ещё и потратиться. Потратиться материально, временем. Потратиться душевно ещё на это нужно.

Кто ближний был для Иисуса Христа? Наверное, может быть так нам проще сказать. Когда Иисус покидал землю, кто ближним оказался? Ближе всех оказался разбойник! И этот разбойник сказал: «Помяни меня, когда придёшь в Царство Небесное». Я думаю: «Неужели для Иисуса Христа, момент отхода с земли, момент подвига, в более лучшей обстановке нельзя было провести, чтобы порядочные люди там были, порядочные грешники. Разбойник самый ближний оказался».

Для меня драгоценно Слово Божие, что Иисус Христос Друг мытарей и грешников. Но как узнать этого ближнего?

Я где-то в Церкви был, на Севере Красноярского края, там детей нет, а одна сестра вышла стихотворение рассказывать и стихотворение чисто детское. Я думаю: «Для кого она рассказывает?», а потом понял, что для меня. В общем, воскресное собрание, проповедники

хорошие на собрании были. И все проповеди сводились к пришествию Иисуса Христа, оно уже рядом, надо быть готовыми. Хорошо проповедовали все. И в том стихотворении семья домой приходит и рассуждают о чём разговор был на собрании. Иисуса встретить, узнать Его. А отец, глава семейства, говорит: «Если Иисус придёт, я прямо тут его рядом с собой посажу, лучшее место Ему дам, борщ налью, у меня такой борщ наваристый, я Его борщом накормлю». А дочка сказала, что скамейку под ноги поставит, чтобы Иисуса удобно было сидеть. А мальчишка маленький, у него был медвежонок без глаз, он говорит: «Я медвежонка подарю». Проходит какое-то время, звонок в двери, пришёл ближний. Что-то на Иисуса не похож, потрёпанный, грязный. На улице дождливая погода, с него всё течёт. Глава семейства думает: «Надо же, один выходной день, а он припёрся, всё настроение испортил, тут самим поесть, в общем-то, немного, сейчас ещё надо делиться». Только-только полы протёрла жена и опять надо будет протирать после него. А мальчишка догадался. Пошёл куда-то в спальню, достал безглазого медвежонка, сунул вот этому Иисусу… Нет! Не Иисусу? Бомжу? Или, всё-таки, Иисус это пришёл? Как узнать? Как не обознаться?
У меня отрицательный пример. Я очень часто проходил мимо Иисуса Христа. Помню, дочку в детский садик отводил. Прохожу мимо остановки, а там человек лежит избитый весь, в крови лежит. И мне нельзя опоздать в детский сад, там воспитательница суровая. Если опоздаю, то она всегда ворчала на меня. Я извинялся, у меня с электричкой не очень. И тут лежит ближний в крови, а надо в детский садик вести дочку. И опять лукавый говорит: «На обратном пути подымешь. Подымешь обязательно ты этого ближнего». Пришёл, а его уже не было. У меня много отрицательных случаев, к сожалению, когда я проходил мимо Иисуса Христа. И милость Божия, что Он давал покаяние каждый раз, слёзы давал, и ещё не раз мне этих ближних показывал и показывает. Когда ты видишь этого ближнего, внутренняя радость.

Помню только уверовал, а я всю жизнь не работал, я в зонах сидел, я не приучился к работе. А когда уверовал, у нас есть гимн такой: «Приучу ваши руки к труду». Антон, знаешь такой гимн? Не знаешь, надо послушать его тебе, хороший гимн. Я работать строителем стал. У меня мозоли на руках большие, хорошие появились. Честно зарабатывать деньги стал, прям так приятно было. Я потом узнал, что за меня молились очень долго, чтобы я стал работать. И на честно заработанные деньги купил уголь. Я в пригороде живу, там у меня печка своя. Углярка у меня добротная, 3,5 тонны я взял угля. Уголь хороший, вы здесь углём не топите, все в городе живете? Все городские? Даже не знаете, что такое печка? Такой вот уголь, комки хорошие. Я каждое утро уголь нагребаю и топлю печку. У меня радость такая, знаете, заработал сам, топлю. Такая любовь к Богу, думаю, это Бог только мог так сделать. Один раз утром, смотрю, уже зима наступила, что-то угля меньше стало. Думаю, ну надо же так. Честно заработал, надо же так — воры. У меня такое благородное негодование. На второй день смотрю, ещё меньше угля, мешков по пять, по шесть где-то убывает. Я так возмутился.

Антон, что делать надо? Как ты думаешь?

Я выяснил, я помолился, но у меня детская вера с давних времён. Там в Библии, помните, написано, «нет ничего тайного, что не станет явным». Я сразу же помолился, и мне на следующий день говорят, что это Катя-воровка. Это она своровала. Думаю, сейчас пойду я, расскажу, что честно работаю и за Иисуса расскажу ей. Это 90-е годы были, голодные годы, я не знаю, вас коснулись они, помните, когда маргарин «Rama» за масло сливочное выдавали и

рассказывали, что оно лучше масла. Я до сих пор не верю, вот в это я не верю. В общем, у нас что было в холодильнике, маргарин «Rama», лапша, мясо… собрали здоровый пакет. У этой Кати дочка была - Юлька, она была ровесница моей Гали. Во второй пакет собрали лучшие платья дочки моей. И ковёр у меня во всю стену висел. Хороший такой ковёр, правда ворованный был, там отдельная история. И ковёр взял на плече и понёс, к ближнему понёс, чтобы понятно было. Она жила в небольшом домике, открытый весь, там ветер гуляет, ни Кати нет, ни Юльки, дочери её, никого нет. И мне так обидно стало, долго я шёл, вспотел весь. Потом, думаю, что надо до конца дело доводить. Я узнал, что на другом конце этой станции, где я живу, там у неё подруга есть, тоже алкоголичка. И со всем этим, я к ней пошёл. Захожу, а там такая картина, накурено в домике, пустые бутылки, всё не красиво и находиться неприятно. Стол на кухне стоит, и на нём женщина лежит, облокотилась и лежит. Я узнал, это Катя. И теперь я со всеми вещами стою, и не знаю, что делать. Единственное, что я сказал тогда: «Катя, Бог тебя любит». Положил на пол ковёр, авоськи и ушёл.

Через два дня она проспалась и пришла в себя, приходит к моей жене и рассказывает эту ситуацию и говорит, что смысла в жизни нет: «Юльку я никогда не воспитаю». А там Юрка ещё в животике был, потом родился, слава Богу. Она у харизматов была одно время. Показывая на живот, говорит: «Зачем и этот будет мучиться? И какой Бог? Никто меня не любит. Ни Богу, ни людям, никому не нужна». Она рассуждает, она моей жене рассказывает это. Ну, что остаётся, если никому не нужен? Оно же понятно? А в это время я захожу и говорю: «Катя! Бог тебя любит». Я-то ушёл, а она говорит: «Я как упала на колени, на этот грязный пол, как заплакала. Неужели я кому-то нужна? Неужели я кому-то нужна?» Нашли ближнего!

Но что-то этот ковёр? Он сгнил, наверное, давно, в 90-х и маргарин «Rama» уже давно никто не ест, и эти платья... Но душа человеческая, она дороже всего этого.

Екатерина покаялась потом, но там уже отдельная история.
Ближнего найти. Он неудобный, очень, настолько неудобный. Но стоит его искать. А если будешь проходить мимо этого ближнего, для себя я этот вывод сделал, можно запросто пройти мимо Неба.

Хотел вопрос вам ещё задать. Антон, ничего если я тебя поспрашиваю? Ничего. Ты привык уже ко мне. Антон, я в Киргизии это спрашивал, в Латвии, в Германии спрашивал, вот у вас в Москве ещё не спрашивал, хочу тебя спросить. Висит у тебя в шифоньере два костюма. Один костюм трёхлетней давности, но практически хороший без дырок, без потёртостей. А второй костюм ты вчера купил. Хороший, нормальный костюм купил. Они у тебя висят, на новый смотришь и думаешь, что в собрание сходишь в нём. Может на брак пригласят... И вот к тебе приходит человек и говорит: «Так хочу есть, что переночевать негде». Надо же накормить его, ближний же пришёл. Что теперь с ним делать, Антон? Накормить хотя бы надо же? Накормил. У всех свои возможности, может у кого-то нет возможности оставить переночевать, а если есть возможность, переночевать оставил бы? А утром дать ему хотя бы булку хлеба, масло и «до свидание» сказать. А потом в последний момент увидеть, что у него костюм весь в дырках, уже ходить нельзя и размер как раз твой. И думаешь, наверное, подарю ему костюм. Подходишь к шифоньеру, открываешь и там эти два костюма. Ты понял какие? Какой ты костюм ему отдашь?

(Антон сообщает, что раскроет шифоньер и предложит человеку самому выбрать себе костюм)

Я понял, Антош, это хорошо. Во многих Церквях я задал этот вопрос, и первый ты сказал, чтобы человек сам выбирал. А в основном баптисты, народ честный, и все говорят, что отдадут тот, который трёхлетней давности. Ну он хороший, нормальный же костюм в принципе. А что Иисусу нужно отдать? Лучшее надо отдать. Как бы научиться отдавать Иисусу лучшее? Как бы жить по заповеди Божьей?

Я помню на служении в зоне был, там есть СУСы. Никто не сидел из вас в зонах, не приходилось? Нет ещё, да? Кто его знает, какое у нас будет будущее. Может быть, придётся и посидеть. Может Бог явит такую честь нам. СУСы — это строгие условия содержания. В зоне находятся те люди, которые не могут находиться в самой зоне и их держат в отдельных бараках. Отъявленные негодяи, наверное, так сказать. И там мы служение проводили. И в общем-то и неплохо получилось. Уже собирался уходить, армян подходит ко мне и говорит… А мне только подарили кожаную безрукавку, хорошая такая, друг подарил, а ему с Германии прислали. Я сделал ошибку, пошёл в этой кожаной безрукавке. Подходит армян, руками трогает её и говорит:
— Наверное, кожаная?

— Кожаная.

— С этой безрукавки можно шить, - и начинает мне рассказывать, что там шить можно, видно тюремный умелец.

Что теперь нужно делать? Отдавать нужно эту безрукавку. И там ещё кто-то подходит и говорит: «Это же вольный человек, нельзя же с него снимать». Тот отмахнулся: «Иди, молчи». И опять ко мне за эту безрукавку. Достал я документы, снимаю и ему протягиваю. А он говорит:
— Мне не надо.

— Как не надо? Не понял? Ну ты же попросил, я же тебя правильно понял?

— Нет, мне не нужно.

— А почему так ты делаешь?

— Вы тут о любви Божьей рассказывали, о заповедях рассказывали, так хорошо рассказывали. И я решил проверить, правда ли вы живёте так, как рассказываете.
Лучше бы он этого не говорил. Я возмутился, но до драки дела не дошло, я понимаю, что верующим нельзя драться. Но я сильно возмутился. Я эту куртку ему в лицо и говорю:

— Забирай, - он не берет. — Ты почему так?

И не хочет брать. Я говорю:

— Ты не понял. Ты так и не понял самого основного. Иисус за меня жизнь отдал. Иисус за меня кровь пролил. Неужели тебе эту тряпку я пожалею?
Знаете, он сильнее меня оказался, так эта безрукавка и осталась у меня. А потом какое-то общение было, с меня снялись всё равно, уже верующие. Баптист так же подошёл.

Ближнего узнать — вот смысл этого. Если мимо ближнего будем проходить, мы просто можем пройти мимо Неба.

И всё-таки я хочу вам сказать, что ближние очень неудобные. Они очень вредные. Они очень часто садятся тебе на шею и говорят: «Давай быстрее, ты что-то медленно двигаешься». И очень тяжело этого ближнего нести.

Я помню одного человека я нёс где-то лет 17 или 18. Я только уверовал и ездил на работу, и на вокзале встретил его, познакомился, звать Валера. И целый месяц мы каждый день ездили вместе, и он слушал о Боге. Мне самое основное, вы же понимаете, что для нас самое основное, найти грешника, такого грешника, который бы слушал бы Иисусе Христе. Я ему говорю, он слушает, такой интеллигентный при галстуке. Я говорю:
— Валера, а кем ты работаешь?

— Я вор, Толя! Я вор.

— Ты занимаешься тем, что воруешь?

— Да, я ворую.

Ну и познакомились. У них так это именуется, он «на подсаде». Пока в автобус садятся, он там что-то берёт. Потом на барахолке что-то. Он наркоман и всю жизнь сидел. Наворовывает, чтобы уколоться на одну дозу и поесть. Такая у него судьба. И с тех пор мы с ним подружились.

Можно ещё, Антон, тебе один вопрос задать? Тебе сколько лет сейчас? Тридцать два. Тебе 35 лет будет, какого ты пригласишь? Ладно, давай на 30 кого-то ты приглашал? Семью? Это хорошо, это в общем-то правильно. Некоторые говорят, что пресвитера позовут, с хора кого-то, чтобы спели. А в Библии кого написано звать нужно, когда пир делаешь? Слепых, хромых, увечных звать нужно. Это же Бог говорит. Это же не я вам тут приехал с Новосибирска рассказать. Это Бог говорит, если делаешь пир приглашай слепых, хромых, увечных. Ну если переводить на наш язык — это алкоголика пригласи, наркомана пригласи, пригласи того человека, которому покушать нечего. Это же наши ближние. Бог говорит, надо этих людей приглашать.

У Валеры племянник ещё был тоже наркоман. Мы Валеру всегда на дни рождения приглашали и в Церковь приводил. Потом он садился в тюрьму периодически. Один раз он покаялся, получал даже свободу от наркотиков. Потом опять его посадили. Мы поддерживали его, пока он сидел, когда он освобождался, встречали.

Один раз приезжаю в зону, служение тогда разрешали по областям. Говорили мне, что Валера в собрание не приходит. Я попросил сходить в отряд и позвать его, фамилию называю. Он подходит, такой интеллигент пальчики в сторону, и говорит:

— Анатолий Павлович, попросите прощения у Тамары Васильевны, — это жена моя. — Попросите прощения, я больше к вам баптистам ходить не буду.
— Как не будешь ходить к баптистам?

— Я думаю, что самая правильная вера – это православная вера.

У меня аж челюсть отпала. Я говорю:

— Да ты что, Валера? Ты же наркоман, тебе же живой Бог нужен!
Проходит какое-то время, он освободился. За это время у меня Братский дом как раз открылся.

Освободился вот этот ближний мой: нос обмороженный, пальцы обмороженные. Пришёл и говорит:

— Прими меня.

— А, что ты к православным не пошёл?

— Я всё понял.

Девять месяцев он у меня в Братском доме побыл, отъелся, поваром там трудился. А через 9 месяцев ругаться начал. На мою жену кричать начал. Я ему говорю: «Валера, ну разве можно тебе кусать те руки, которые тебя кормят, заботятся?»
Потом в Братском доме на всех кричать начал. А потом смотрю уже и на меня орёт. Я говорю:

— Валерка, ты чего? Ну, так же нельзя. Тебе надо со служителем поговорить, что-то у тебя там нечистое в сердце есть.

Он ещё больше орать начал:

— Да ты сам бесноватый.

И смотрю у него глаза белые. Видели людей с белыми глазами? Они уже ничего не понимают. И вот так взял меня за грудки, я смотрю ближний мой такой здоровый, уже голиафом стал. Он повыше меня ростом, такой могучий. И меня трясёт, а я там уже болтаюсь безвольно.

Вообще в юности я 10 лет боксом занимался. Для меня, ну кто он? Вы, понимаете? И всё. А написано же, нельзя бить?

Антон, ты в курсе?

И я благодарю Бога, что у меня даже желания не было ударить. И жена выходит, на веранде это дело происходило. Выходит и говорит:

— Толя, а что здесь происходит?

Вы понимаете, на глазах вашей жены вас так. Всё равно мы же мужики, не очень приятно. Я говорю:

— Ты что не видишь? Иди! Нечего тут тебя делать! — и говорю это так, в полуоткрытый рот, Валерка сдавил мне здесь всё.

Она ушла, слава Богу, у моей жены гораздо твёрже вера, чем у меня. Она меня и вымолила, я вам рассказывал. Потом я узнал, она ушла, на колени встала сразу помолилась. И смотрю, руки Валерки разомкнулись, сразу разомкнулись эти руки. И глаза нормальные стали.

Потом в другой братский дом он уехал. Я с ним встречался, он прощения попросил, а через полгода звонит мне, я уже не помню, летом, и говорит:
— Я на крещение иду, меня сейчас будут крестить.

А у меня радость такая внутри, понимаете? Не зря меня за это место тряс этот ближний. А если б не выдержал? А если б я его стукнул все-таки или оскорбил бы этим словом? А сейчас у него

жена есть, но он всю жизнь сидел, а жена у него очень интеллигентная, звать Лена, она поэтесса, очень хорошие стихи пишет, картины рисует. Она нам подарила картину, где добрый пастырь ягнёнка несёт. И он нам постоянно звонит, он чуть помладше меня, но к нам как к родителям относится. А мог бы пройти мимо этого ближнего? Мог бы пройти. Зачем он мне на сто лет нужен? И прошёл бы мимо Бога.

Я к тому, с чего начал. Для Иисуса Христа самым ближним оказался разбойник. Для него друзья были мытари и грешники. И чтобы мы тоже понимали, что небогатые имеют нужду в Боге, а бедные и нищие. Чтобы не проходили мимо них, чтобы наше духовное зрение было нормальное, чтобы мимо Неба не проскочить, вот что самое страшное. Ну и об этом помолиться за ближних, за наших. Аминь.

21 января 2018 год, Московская Церковь

Комментарии
